

ИНСТРУКЦИЯ К КНИГЕ

ИЛИ КАК ИНТЕГРИРОВАТЬ ПРОЧИТАННОЕ В СВОЮ ЖИЗНЬ

Чтение этой книги – да и любой другой –
сродни чтению аффирмаций. Все, что вы читаете,
в той или иной мере влияет на ваши мысли.

Хэл Элрод

**«Магия утра. Как первый час дня
определяет ваш успех»**

В IKEA инструкцию кладут даже в термос. Правда, кому-то это не мешает все равно пролить добрую половину кофе на свои брюки. Моя книга вряд ли способна нанести вред твоему внешнему виду, но инструкция к ней нужна. Сейчас у тебя в руках кот Шредингера или ящик Пандоры. Ты не знаешь, что в данной книге, пока не прочтешь. Жив кот или уехал на ПМЖ в кошачий рай. Но раз ты все еще читаешь эту страницу, значит, ты из тех, кому небезразлична его жизнь, и это уже дает тебе громадную фору в игре. Мою книгу держит тот, кого рано или поздно назовут асом!

КАК ЧИТАТЬ КНИГИ?

И нет, нас этому в школе не научили.

1. Начиная читать книгу, вооружись карандашом и маркером. Нещадно подчеркивай и выделяй все, что тебя зацепило. Все, что отозвалось у тебя. Не жалея страниц — пиши на полях инсайты. Не хватило места? Используй титульный лист! Эта книга для того, чтобы в твоей жизни что-то поменялось, а не для украшения книжной полки. Кстати! Если девушке будешь ее показывать, это отличит тебя от всех парней. Их книги стоят с целомудренными листами и пахнут типографской краской НЕТРОНУТЫЕ! А по тому, во что ты превратишь мою книгу (теперь уже твою), станет ясно: ты реально читал! Наградой будет ЕЕ взгляд. Ты поймешь.
2. Когда ты прочел главу и нашел в ней свои настройки, аффирмации, девизы, инсайты, то постарайся еще кое-кого найти! Того, кому ты все это перескажешь! Найди двух или четырех человек. И непринужденно скажи: «Вчера прочел где-то...» И дальше вольный пересказ! Я тебе это задание даю не ради своего пиара, хотя я совсем не против, если после прочтения ты захочешь рассказать о ней друзьям — поэтому можешь не уточнять, где именно прочел! Главное — перескажи. Зачем? Ниже расскажу. У нас тут не покер. Все честно и без блефа!
3. Начни записывать, как именно ты можешь применять прочитанное и пересказанное! Когда ты что-то читаешь, какая-то часть остается в тебе! В том числе моей энергии, которую я вложил в эту книгу. И она будет влиять на тебя.словно матрица. Процесс пойдет. Но надо усилить действие! Для этого ищи свое в книге и подчеркивай. А потом перечитывай и повторяй! И тогда сила слова сделает сказанное частью твоей философии. И чем чаще ты это будешь делать, тем быстрее начнешь получать результаты. Ты наверняка в курсе, что мы меняемся постоянно! В следующем месяце ты уже будешь иным. Поэтому еще лайфхак: просматривай книгу время от времени. Пусть она будет всегда рядом. Ты над ней славно поработал — перечитай только то, что подчеркивал. А через год-другой можно и повторить — перечитать все от и до. Ты другой, но и... не поверишь... книга тоже будет другой. Ты

иначе ее воспримешь. Надеюсь только, что не хуже, чем в первый раз. В крайнем случае, книга классно умеет гореть в костре, особенно если он должен согреть близких тебе людей!

ДВА МОМЕНТА – И МЫ СТАРТУЕМ!

Каждая глава делится условно на две части. В первой тебя ждет история взросления из моей жизни. Конкретный нон-фикшен. Ничего не придумано и не приукрашено. Жизнь не нуждается в ретуши и гримерах. Вторая часть главы — Осознание. Разбираемся с ответами на вопросы: какой урок из этого можно извлечь и какой можно сделать вывод?

Сама книга состоит тоже из двух частей — «Моя история» и Frequently Asked Questions, или просто «FAQ». Во второй части книги («FAQ») я собрал и систематизировал ответы на вопросы, которые из года в год не желают меняться. Мне задают их молодые люди на каждой встрече, на каждом интервью, в письмах и сообщениях в директ. Я сам, когда был молод, задавал себе эти вопросы. Но у меня не было инструкции или пособия, чтобы во всем разбираться. Поэтому я написал эту книгу — для вас. Чтобы вам было проще преодолевать непростые этапы вашей жизни. Вы держите готовую инструкцию в своих руках. Не буду кривить душой, я широко улыбаюсь, когда печатаю эти строки на ноутбуке, потому что уверен, что эта книга поможет каждому, кто ее прочитает, получить ответы на важные вопросы, справиться со страхами и быстрее и успешнее войти во взрослую жизнь.

Готовы? Тогда начнем!

ВЫ ДЕРЖИТЕ ГОТОВУЮ
ИНСТРУКЦИЮ В СВОИХ
РУКАХ. НЕ БУДУ КРИВИТЬ
ДУШОЙ, Я ШИРОКО
УЛЫБАЮСЬ, КОГДА
ПЕЧАТАЮ ЭТИ СТРОКИ
НА НОУТБУКЕ, ПОТОМУ
ЧТО УВЕРЕН, ЧТО ЭТА
КНИГА ПОМОЖЕТ
КАЖДОМУ, КТО ЕЕ
ПРОЧИТАЕТ, ПОЛУЧИТЬ
ОТВЕТЫ НА ВАЖНЫЕ
ВОПРОСЫ, СПРАВИТЬСЯ
СО СТРАХАМИ
И БЫСТРЕЕ И УСПЕШНЕЕ
ВОЙТИ ВО ВЗРОСЛУЮ
ЖИЗНЬ.

ЧАСТЬ I

МОЯ
ИСТОРИЯ

ГЛАВА 1

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

ФАНТИК

Я отчетливо помню этот момент. Мне 12 лет. Мой второй летний сбор команды мальчиков ЦСКА 1979 года рождения по баскетболу. Подмосковные Ватутинки. Вечер, мы сидим вчетвером с ребятами в нашей комнате и распределяем по столу свое добро: сладости, жвачки, печенья, пастилу... На дворе 90-е, потому ничего особенного нет. И все равно из дома все приезжают со своими запасами. Фантики шуршат, падают, мы смеемся... Маленькие дети во взрослом лагере, наконец-то оставшиеся без присмотра родителей. В первый день нашему счастью нет предела. И вдруг открывается дверь. Это наш строгий армейский тренер Николай Николаевич Кузнецов совершает вечерний обход команды. Смотрит на нас, обводит взглядом комнату и строго спрашивает: «Чей фантик?»

Чей? Точно не мой. Никто не хотел сознаться. Все молчали. И тут я, сам не знаю почему, вдруг встаю, молча поднимаю его и выкидываю в мусорное ведро.

В конце летнего сбора тренер назначил меня капитаном команды.

А быть капитаном детской команды ЦСКА — это очень круто. Особенно когда тебе 12 лет. Я до сих пор вполне серьезно считаю это одним из самых больших своих достижений. Хороший тренер не просто учит забрасывать мяч в кольцо, он помогает узнать себя и понять, на что ты реально способен. Мы с ребятами уважали тренера, признавали его авторитет. Наверное, когда он увидел,

ХОРОШИЙ ТРЕНЕР
НЕ ПРОСТО УЧИТ
ЗАБРАСЫВАТЬ МЯЧ
В КОЛЬЦО, ОН
ПОМОГАЕТ УЗНАТЬ СЕБЯ
И ПОНЯТЬ, НА ЧТО ТЫ
РЕАЛЬНО СПОСОБЕН.

что я взял ответственность не только за себя, но и за ребят, то решил, что мне можно доверить команду. Так Николай Николаевич помог мне впервые понять, что такое ответственность. Он стал первым взрослым мужчиной, ко-

торый через год пожал мне, маленькому пацану, руку, — простое, но знаковое событие, оставившее неизгладимый след в моей памяти. Он стал одним из самых главных моих учителей.

Тренер всех нас держал в тонусе. Мы должны были отделиться от родителей и шагнуть во взрослую жизнь с ее дисциплиной и ответственностью. Все, что не касалось спорта и мешало ему, тренера не волновало. Помню, как я заболел и лежал дома с температурой, а он позвонил и сказал, что я подвожу команду, потому что нам предстояло играть с сильным соперником на чемпионате Москвы. У меня была температура, как сейчас помню, 37,8, но я собрался и поехал. Я еле бегал, сыграл плохо. Мы проиграли. Но своих не подвел. А когда ты капитан детской команды и среди 20 человек выбирают именно тебя... Ты на виду и спрос с тебя больше. Срезать углы во время кросса нельзя — все же на тебя смотрят. Ты должен быть примером. Должен мотивировать и вселять в команду уверенность. Мне кажется, когда я стал капитаном, то впервые если и не понял, то уж точно почувствовал, что такое доверие и ответственность. И еще я понял, что могу влиять на ребят, на их мнение и решения.

Через год тренер, серьезно поругавшись с начальством спортшколы, ушел в другую и предложил всем последовать за ним. Я не хотел терять наставника, который верил в меня, к которому я по-настоящему привык и которого считал своим вторым отцом. Потому подговорил полкоманды — не только детей, но и родителей — перейти на новое место. Тогда мне было 13 лет. И меня вдруг послушались. Три парня, три сильных игрока покинули ЦСКА вместе со мной. Это было удивительно: мои слова смогли убедить людей. Мотивировать их на непростой поступок.

К сожалению, ничего хорошего из этого не получилось. Тренер был прекрасным человеком, хорошим педагогом, любил

детей, но все время конфликтовал со взрослыми. Потом он стал работать во второсортных спортшколах, играть в которых было бесперспективно. В итоге после того, как в ходе одного из матчей на чемпионате Москвы против сильного соперника я набрал 61 очко, меня пригласили играть за одну из лучших на тот момент спортшкол Москвы — «Советскую». Для того чтобы продолжить свой рост как игрока, я принял непростое решение о переходе. Николай Николаевич все понимал и не стал меня отговаривать.

А ведь ничто не предвещало для меня столь серьезного увлечения баскетболом. Как и положено мальчику из интеллигентной семьи (папа — научный сотрудник, ученый-историк, мама — переводчик с английского языка в институте сердечно-сосудистой хирургии), я спокойно ездил на теннис два раза в неделю, в промежутках играя в солдатиков и войнушку с парнями нашего двора двора на юго-западе Москвы. А мой старший двоюродный брат был фанатом баскетбола и легенды советского баскетбола молодого Арвидаса Сабониса, в частности. Старшим всегда хочется подражать. Я стал кидать бумажные шарики в люстру, что сильно нервировало родителей. Сперва меня наказывали, потом ради сохранения люстры отвели в секцию.

Правда, я чуть было не ушел из баскетбола на самом старте. Хотя сразу было очевидно, что это мой вид спорта, но на первых летних сборах я плакал, звонил из автомата домой и просил родителей, чтобы меня забрали. Мне казалось, что ко мне плохо относятся тренер, придирается и слишком много требует. Я — маленький мальчик, привыкший к теплой атмосфере дома, — хотел вырваться из непривычной, очень жесткой для меня обстановки.

Дело в том, что все многочисленные родственники меня любили и многое мне позволяли. И после этого армейская дисциплина ЦСКА казалась мне адом. В семь подъем. Построение на линейку, стирка, уборка, дежурство. Сюда иди, туда не иди, упал — отжался, без лишних вопросов. Без объяснений. Я к этому был не готов. Когда в очередной день посещения ко мне приехали родители, я умолял их забрать меня и расплакался.

Шокированным родителям, к счастью, хватило ума и мудрости поговорить не только со мной, но и с тренером. Видимо, Николай Николаевич тогда объяснил им, что это нормальный процесс адаптации ребенка, попавшего в незнакомую среду, и что если они

меня заберут, то в дальнейшем это может стать привычным паттерном моего поведения. Да, он был очень требователен ко мне, но как педагог видел мой потенциал и ожидал от меня чуть больше, чем от других. Забегая вперед, скажу, что после случалось много ситуаций, когда отец принимал решение не ради того, чтобы мне стало легче жить, а родителям меньше волноваться, а ради того, чтобы я приобретал жизненный опыт. Намного проще было бы меня забрать и не смотреть, как я весь в слезах умоляю маму, чтобы меня увезли. Но в то лето меня оставили на сборах. Я помню этот момент, когда вместе с габаритами задних фар отцовской машины исчезла и малейшая надежда на помощь со стороны. Теперь я должен был решать проблемы самостоятельно, а не убегать от них в тепло, уют и комфорт родительского дома. Я был зол на родителей, но мне пришлось взять себя в руки. Другого выбора не было. Порядок, ответственность и самостоятельность я начал приобретать именно в спорте, именно в то лето на сборах ЦСКА в подмосковных Ватутинках.

Там же я понял, почему так важно самостоятельно решать жизненные задачи. Самый полезный и главный человеческий навык — именно способность самому справляться со всем происходящим, а не делегировать ответственность за свою жизнь другим. Если родители все время помогают, советуют и принимают решения за ребенка, не позволяют ему найти собственные ответы, то они лишают его возможности приобрести опыт и научиться самому. Простая аналогия: пока ребенок сам не потрогает горячую сковородку, он не поймет, как это неприятно и почему не стоит этого делать, сколько бы ему ни говорили о том родители. Опыт — лучший учитель: берет дорого, зато учит доходчиво.

Самостоятельность в спортивном лагере стала основным принципом моего дальнейшего поведения — если бы меня забрали, то паттерн стал бы иным. Я бы продолжал убегать от сложных ситуаций и видеть спасение в родителях, а не в себе.

Этот полезный опыт потом пригодился мне на первой работе — тогда, в 22 года, тоже хотелось сразу же после первой рабочей недели сбежать, потому что невозможно сразу быть готовым

ОПЫТ – ЛУЧШИЙ
УЧИТЕЛЬ: БЕРЕТ
ДОРОГО, ЗАТО УЧИТ
ДОХОДЧИВО.

ко взрослой жизни. Но, к счастью, я вспомнил свои первые сборы...

• • •

Нам часто кажется, что ситуация сильнее нас. Что нет иного выхода, чем сдаться. Но выход всегда есть. Легче всего уйти и сдаться, сложнее остаться и попробовать что-то изменить. Безвыходных ситуаций не бывает – бывает точка зрения, что выхода нет. Выход всегда есть.

• • •

ЗАСТУПНИКИ 1974 ГОДА РОЖДЕНИЯ

В спорте я впервые почувствовал, что у меня есть потенциал, чтобы многого добиться. Отношения в команде у меня всегда складывались: мне доверяли, меня слушали, я хорошо играл и был лидером. Но это среди ровесников.

А ведь на сборы приезжали и ребята еще старше. И, как в армии, пытались насадить дедовщину. В конце концов, если ты старший, то почему бы не заставить мелкого подежурить вместо тебя в столовой, помыть пол в комнате или сбегать за водой? Конечно, нас не били, но могли ворваться в комнату вдвоем или втроем, поймать, скрутить, руки заломить. Щекотали, иногда носки грязные в рот пытались засунуть. Это было не столько больно, сколько обидно. Беспомощность всегда особенно обидна. Настолько, что хочется плакать. Но плакать было нельзя. И жаловаться тоже, иначе потеряешь уважение, над тобой будут смеяться и унижать тебя.

Мы старались избегать общения с ребятами старше себя. И первое время я терпел. А потом стал огрызаться, сопротивляться, за что получал. Но оказалось, это была проверка. Если сейчас не сдамся, не сломаюсь, то дальше будет легче. И потом ведь не ко всем приставали и не над всеми издевались.

А когда команда видела, что старшие ребята обращают внимание именно на тебя, то начинали уважать. Это помогало и на тренировках, и в играх, и в построении отношений внутри команды. К тому же создавалось ощущение, что если возникнет какая-то ситуация, то старшие помогут и заступятся. И они не подводили.

На сборы, кроме баскетболистов, приезжали легкоатлеты, волейболисты, конькобежцы, гимнасты... ЦСКА — это огромная машина, огромный отдельный мир. Мы могли все вместе общаться и дружить, но казалось, что вокруг не друзья, а конкуренты. Каждая команда считала себя самой крутой, а свой вид спорта — самым лучшим.

Однажды мы сидели с другом на лавочке и обсуждали прошедшую тренировку, а легкоатлеты постарше проходили мимо. И один из них, особенно задиристый и наглый, как-то странно на нас посмотрел, и от его взгляда мне стало так противно, что я показал ему средний палец. Я не знаю, зачем я это сделал, — просто сделал и сам даже немного испугался своей дерзости. Когда увидел его реакцию, то сразу же спохватился, но было поздно. Естественно, они не могли проигнорировать такую наглость. Подошли и стали разбираться, что это я такое себе позволяю. «Сейчас 74-й год придет, сразу все поймете», — мгновенно и уверенно сказал я, сам того не ожидая. Разговаривать с нашими старшими они не захотели. Даже не знаю, почему я так сказал, ведь не готовился и не знал наверняка, заступятся за нас или нет. Просто сработал инстинкт.

После я рассказал об этом ребятам 1974 года рождения. И они подтвердили: я действительно могу на них рассчитывать. Так что я не соврал легкоатлетам. Я помню, как приятное теплое чувство удовлетворения растеклось по всему телу. Понимать, что в этом взрослом для маленького пацана мире есть надежная защита, было очень приятно.

Хотя, если совсем честно, был на сборах у нас у всех и другой источник вдохновения. Гимнастки... Мы втихаря ходили смотреть на их тренировки и растяжки. Мы влюблялись, ждали редких дискотек, которые проходили раз в неделю, чтобы посмотреть на них в мини-юбках или обтягивающих лосинах, страдали и завидовали старшим, которые разговаривали с ними, танцевали и ходили

на вечерние прогулки в лес...
 Проживали в своих фантазиях
 бурные романы... Кажется,
 у каждого в голове парал-
 лельно с реальной существо-
 вала воображаемая жизнь.
 В таком возрасте ведь ты еще
 не понимаешь, что значит лю-
 бить, а о близких отношениях
 знаешь только по рассказам
 старших или по фильмам.

КОГДА ТЕБЕ 12 И ТЫ
 ВИДИШЬ КРАСИВУЮ
 ДЕВОЧКУ, КОТОРАЯ
 ЗАНИМАЕТСЯ
 ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
 ГИМНАСТИКОЙ, ТВОЕ
 ВООБРАЖЕНИЕ
 УНОСИТ ТЕБЯ
 ДАЛЕКО ЗА ПРЕДЕЛЫ
 СПОРТИВНОГО ЛАГЕРЯ.

Когда тебе 12 и ты видишь красивую девочку, которая занимается художественной гимнастикой, твоё воображение уносит тебя далеко за пределы спортивного лагеря. Жаль, что конкуренция со старшими ребятами не оставляла нам ни малейшего шанса на знакомство и общение. А с другой стороны, всему своё время.

Сейчас, конечно, все эти воспоминания вызывают улыбку, а тогда словно улетал в другую галактику.

Из таких вот, как сейчас кажется, незначительных событий, поступков, решений, опытов складывалась личность. Не зря в психологии так много значения придают тому, что происходит с человеком в детстве, какой опыт он приобретает.

Все твои испытания, даже если сегодня они кажутся незначи-
 тельными, становятся частью тебя. Из каждой ситуации можно
 сделать какой-то вывод, чему-то научиться. Главное — сделать это,
 а не совершать одни и те же ошибки всю жизнь, а потом удив-
 ляться, почему все время по-
 лучаешь один и тот же резуль-
 тат. И чем больше достается
 тебе жизненных уроков, тем
 больше ты узнаешь себя, при-
 обретаешь опыта и тем выше
 становится твой порог терпи-
 мости к изменениям в окру-
 жающем мире. Как говорил
 Дарвин, главное для выжи-
 вания рода не сила и даже
 не ум, главное — обладать

И ЧЕМ БОЛЬШЕ
 ДОСТАЕТСЯ ТЕБЕ
 ЖИЗНЕННЫХ УРОКОВ,
 ТЕМ БОЛЬШЕ ТЫ
 УЗНАЕШЬ СЕБЯ,
 ПРИОБРЕТАЕШЬ
 ОПЫТА И ТЕМ ВЫШЕ
 СТАНОВИТСЯ ТВОЙ
 ПОРОГ ТЕРПИМОСТИ
 К ИЗМЕНЕНИЯМ
 В ОКРУЖАЮЩЕМ МИРЕ.

навыками приспособления к меняющимся обстоятельствам. Опыт позволяет такие навыки развивать.

ВОСХИЩЕНИЕ, СОГРЕВШЕЕ МНЕ ДУШУ

Первой командой, куда из ЦСКА ушел наш тренер Николай Николаевич, был московский «Локомотив». Мы последовали за ним, и почти сразу после перехода меня и моего друга Андрея пригласили выступить на спартакиаде железнодорожников в Санкт-Петербурге за команду 1978 года рождения, то есть ребят на год старше (нам было по 13 лет). Как здорово поехать одним в другой город, играть за старшую команду! Казалось, еще вчера я ездил в Ессентуки с бабушкой, а сегодня уже стал самостоятельным спортсменом, получающим суточные и новую спортивную форму.

Моей семье эта идея не понравилась сразу. До меня в ней не было спортсменов, и самостоятельные поездки в таком раннем возрасте не приветствовались. Я просил родителей, умолял, чтобы они меняпустили, говорил, что от этого, вообще-то, зависит вся моя жизнь и уж точно моя баскетбольная карьера, но... отец тогда решительно мне отказал.

Но затем позвонил тренер. И вечером, когда нужно было принимать решение, папа перезвонил ему и сказал: «Николай Николаевич, мы приняли решение: он поедет». Я услышал это из другой комнаты. Сперва я испугался, что мог что-то не так услышать, потом понял, что не ослышался, и меня охватила эйфория, по телу побежали мурашки. Для меня в тот момент ничего не могло быть важнее этой поездки. Я понимал, что теперь у меня есть шанс многое доказать и себе, и остальным. До сих пор не знаю, почему отец решил меня отпустить, а он уже и не помнит.

И вот мы с ребятами и тренером отправились в северную столицу. Приехали на поезде «Красная стрела» в пять утра. На улице -35° . Да еще и влажно, поэтому -35° ощущаются как -150° . Нас разместили в общеобразовательной школе, в просторном классе, — сразу два возраста, 1978-й и 1979-й. Всего больше 20 человек. В других классах — игроки из других городов и команд, тренеры, следящие за порядком... Старших парней больше всего интересовали девочки. Но мне тогда казалось, что я еще

недостаточно для этого взрослый. Разница в год, когда тебе 13, кажется вечностью.

Они там о чем-то разговаривали, включали музыку, целовались. Звучали Scorpions, нетленный Wind of Change, и витал дым от первых выкуренных сигарет... В общем, взрослый мир. И я шагнул в него без оглядки. В воздухе легко угадывался тот самый «ветер перемен». Во всем. Не только в моей собственной жизни, но и в жизни страны. Эти непростые, но такие романтические 90-е. Это с трудом воспринимал мой неокрепший ум! Но я помнил, что приехал играть. И думал прежде всего о баскетболе. Я хотел зарекомендовать себя на турнире для старшего возраста, и не было никакого желания тратить свое время и силы на что-либо еще. Тогда я впервые понял, что такое концентрация и фокус. Концентрация позволяет быстрее добиться намеченных целей. Все происходило инстинктивно: мне очень важно было сыграть хорошо и показать себя. Для кого-то баскетбол оказался в ту поездку вторичен. Но все мои мысли и действия были нацелены только на то, чтобы играть как можно больше и как можно лучше.

Первая же ночевка прошла «интересно»: мы, еще по сути дети, расхулиганились. Я бросил тапком в Илью, одного из парней, которые приехали вместе со мной. Он разозлился и швырнул тапок обратно в меня. Но попал в окно, и стекло разбилось... На улице, напоминая, -35° . Примерно через две минуты так же холодно стало и в классной комнате, где мы спали. Время — около десяти вечера, понятно, что никто не станет ничего в такое время ремонтировать. И мы быстро приняли решение: спать в одежде по двое на кровати, под двумя одеялами. Так мы провели первую ночь.

Нам выдавали суточные, которые мы тратили в пельменной. Там был выбор: пельмени со сметаной или с кетчупом. Утром со сметаной, в обед с кетчупом, а на ужин как повезет. Мы не понимали, что живем в непростое время. Нас устраивали пельмени с чаем и хлеб три раза в день. Дети вообще воспринимают то, что видят вокруг, как единственную возможную реальность. И я с огромным удовольствием поедал пельмени.

Среди нас были ребята, которые не ели, потому что хотели привезти суточные домой. Кто-то даже один раз упал в голодный

обморок. Я и сейчас помню их бледные лица. Но я понимал: чтобы играть, надо есть пельмени и пить сладкий чай.

•••

Я уже не помню, какое место мы заняли, по-моему, второе. А вечером перед отъездом в Москву к нам в класс пришел один из организаторов турнира и говорит: «Ребята, вы такие молодцы, что приехали, у вас хорошая команда, поздравляю». А в конце добавил: «В особенности я восхищаюсь игрой Сагиряна». Когда я это услышал, мне стало неудобно, я ошеломился и на несколько секунд потерял дар речи. Не вполне тогда понимал значение этого слова и повторял его про себя. Мне было 13 лет, и до этого никто из взрослых ничем, что я в жизни делал, не восхищался. Я повторял эти слова, пока не заснул. Даже записал их на бумажке, чтобы не забыть, и спрятал ее в свои вещи. Сейчас я понимаю, что это был сигнал, означающий, что я на правильном пути.

•••

Почему важно не рассеивать внимание и фокусироваться на чем-то определенном? Потому что это безоговорочно главное и основное слагаемое успеха в достижении желаемого результата.

ИМПУЛЬСЫ НА БАРРИКАДАХ

Мне 14 лет. После моих самостоятельных поездок я почувствовал себя совсем взрослым. По крайней мере, мне так казалось.

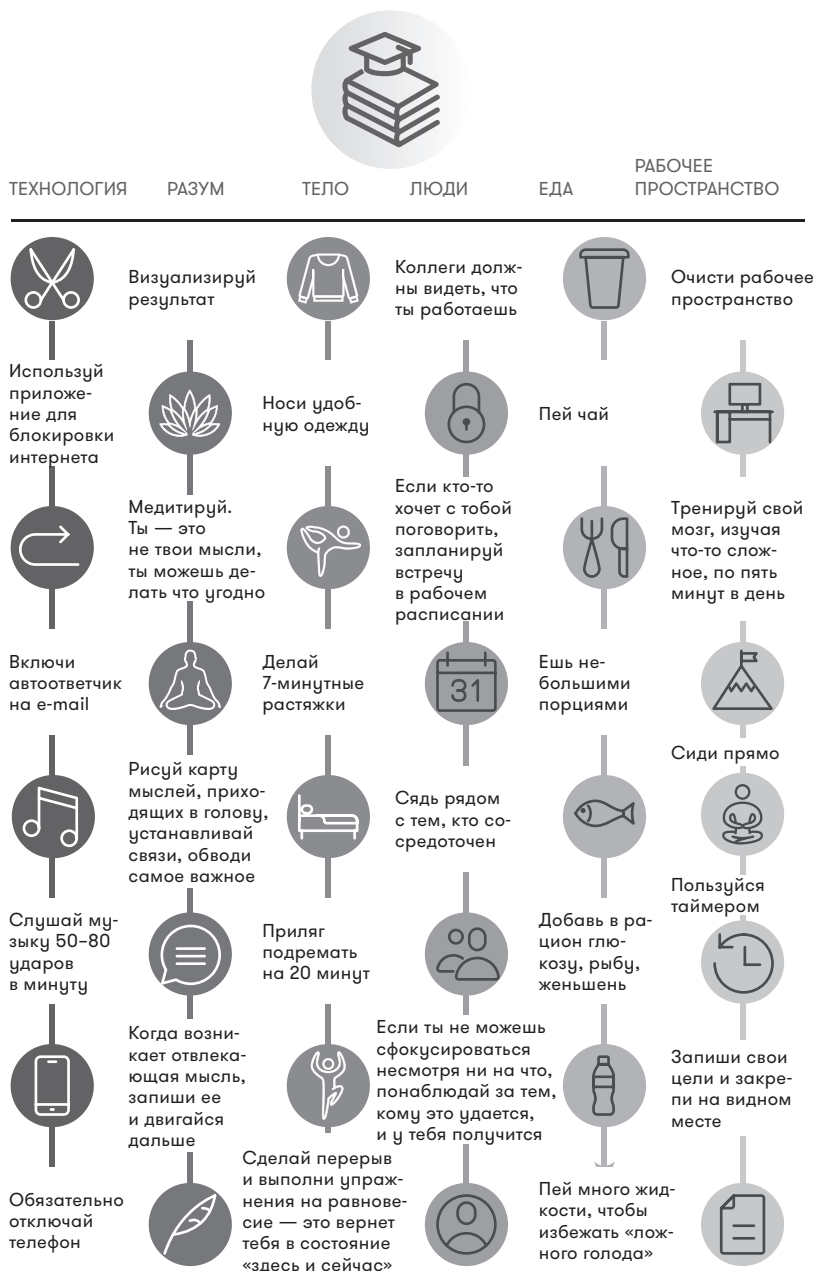

РИС. 1. Как держать фокус

Живу в своем мире, предоставлен сам себе, родители в моей жизни уже не принимают такого участия, как раньше. Езжу по турнирам и сборам. Папа, когда изредка подбрасывал меня до метро, интересовался, есть ли у меня деньги на проезд. Про себя я думал: «Пап, ну что за вопрос, откуда у меня могут быть деньги?!» Но вслух отвечал: «Да, есть». Мне никогда не хотелось ЧТО-ТО просить, даже у отца. Мне нравилась моя относительная самостоятельность. В конце концов, одежда у меня была, форму мне выдавали, а на метро и троллейбусе я, если не успевал оформить школьный проездной, ездил зайцем и как-то обходился без денег. Конечно, сейчас я понимаю, что моя независимость была мнимой: меня кормили, поили и защищали. Но тогда мне казалось, что я намного независимей сверстников, и это меня сильно вдохновляло.

Сегодня я знаю, что первые самостоятельные шаги — очень важная веха в становлении мужчины. И чем раньше он их делает, тем будет лучше. Быстрее начнешь формировать самый важный навык, от которого если не все, то очень многое во взрослой жизни зависит.

Мне повезло почему? С одной стороны, у меня патриархальная семья с кавказскими традициями, хоть и размытыми московской жизнью во втором поколении. С другой стороны, я по природе упрямый, независимый и импульсивный. В совокупности это привело к необходимости довольно рано отстаивать свою позицию перед взрослыми.

Мой дед, в честь которого меня назвали, был центром нашей семьи, ее главой: сильным, уверенным, мудрым... Он умел не только вести бизнес (в СССР он руководил несколькими производствами), но и дружить. С ним общались самые разные люди, например Евгений Примаков, Аркадий Райкин, академики и профессоры. Все приходило к нему за советом и помощью.

Меня называли Альбертом. И, как мне с детства говорили родственники, я должен был соответствовать имени деда. Это было вызовом. Не могу сказать, что я этим тяготился. Наоборот, это вызывало у меня интерес. Возможно, будь у меня другой характер, меня бы не сравнивали с дедушкой. Само по себе сравнение подстегивало меня. В остальном мое воспитание оставалось вполне традиционным для советского времени. Делай то, что

говорят. Слушайся старших — они знают, как лучше. В детстве многие слышали эти слова.

•••

Воспитание формирует личность. Каждый ребенок находится в зависимом положении, ищет одобрения взрослых, хочет быть любимым. И старается соответствовать ожиданиям. Но если родительская любовь ассоциируется исключительно с послушанием и хорошим поведением, то это негативно сказывается на дальнейшем развитии человека, потому что он привыкает к послушанию. И если не успевает вовремя выйти из-под родительской опеки, то способность самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность не формируется, зато формируется зависимость от чужого мнения и одобрения. Есть второй, более сложный выбор — поступать по-своему. Мне повезло, я довольно рано предпочел этот вариант, хоть это и провоцировало частые конфликты с родственниками.

•••

Мое желание все делать по-своему часто раздражало мужчин в моей семье. Родственники не могли смириться с тем, что я все время стремился делать то, что сам хотел, а не то, что, по их мнению, было правильным. Свою правоту они доказывали конструктивно: в долгих разговорах, в начерченных графиках и нарисованных таблицах... А я все равно чаще поступал по-своему. Часто слышал в свой адрес: «Ну как так можно?!» Я лишь улыбался в ответ. Я понимал, что заставить меня никто не может. В основном споры были вокруг моего увлечения спортом. Я не хотел учиться,

РОДИТЕЛИ ЧАСТО
«ЛОМАЮТ» СВОИХ
ДЕТЕЙ, ЧТОБЫ
ТЕ ПОСТУПАЛИ
СОГЛАСНО ЖЕЛАНИЯМ
СТАРШИХ.

я хотел играть в баскетбол. И не отступал от своего.

Стоит сказать спасибо отцу: он не стал ломать за-рождающуюся во мне лич-ность, хотя, наверное, мог бы. Родители часто «ломают»

своих детей, чтобы те поступали согласно желаниям старших. Последнее слово все равно всегда оставалось за отцом. На мой взгляд, он дал мне самое ценное — возможность самостоятельно принимать решения и приобретать с раннего возраста необходимый опыт. Сейчас я пытаюсь то же самое передать своим детям, позволяя им принимать самостоятельные решения — конечно, в допустимых рамках, — и понимаю, насколько это было ему непросто.

Помню, как в октябре 1993 года вечером я увидел по телевизору мэра Лужкова, который призывал всех, кому небезразлична судьба российской демократии, пойти на баррикады на Тверской улице и защищать мэрию от путчистов. Москва, 93-й, путч, все меняется, дух свободы и перемен... Появилась возможность на что-то повлиять. Меня это манило и вдохновляло.

В 14 я был уверен: есть правильный путь — демократия, свобода, равенство. И есть неправильный — то, как все было устроено в Советском Союзе. Когда я услышал, как Лужков зовет на Тверскую площадь, я предложил отцу туда поехать.

Отец согласился. Когда мы приехали, там уже была толпа, кто-то сооружал баррикады из всего, что попадалось под руку. Тверская была вся перекрыта от Пушкинской площади до Кремля.

И хотя ситуация на тот момент еще не разрешилась, но все равно казалось, что опасности для жизни нет: в воздухе витало единение, люди радовались. Папа говорит: «Ну все, поехали домой!» А я не хочу и прошу его остаться... И вдруг он отвечает: «Если ты считаешь нужным, оставайся!»

Это казалось невероятным. Сейчас я понимаю, что вряд ли разрешил бы своему ребенку делать то, что отец разрешил мне сделать той осенью 93-го, — остаться на баррикадах в разгар переворота власти в стране.

А тогда... Тогда я остался. И к вечеру началось все самое интересное. И опасное.

Как сейчас помню, что несколько раз приезжали бандиты на черных BMW и привозили нам еду.

Сыр, колбаса, соки... А в это время в магазинах — пустые прилавки, страна голодает. Тогда по дороге в школу у нас был ритуал: мы с друзьями обсуждали, кто и что ел на завтрак. Помню, кто-то однажды сказал, что уже неделю не ел сыра, хотя очень его любит. Мы дома не голодали, отец работал в Академии наук, и ему как-то удавалось справляться. Я вообще не обращал внимания на еду — в детстве ты не понимаешь, хорошо ты питаешься или нет. И чем привычнее еда, тем ребенок счастливее. Бутерброды с маслом и сладкий чай на завтрак меня вполне устраивали. Но вернемся на баррикады.

Почему бандиты приезжали на своих машинах с провизией? У них и у всех, кто вышел тогда на улицы, была одна цель — не вернуться в прошлое, из которого мы начали потихоньку выбираться после распада СССР. Все чувствовали себя равными в этом порыве. Было неважно, бандит ты, ученый или ребенок. Все понимали, что пришло время перемен. Появился шанс на новую жизнь, и в этом состояла романтика 90-х. Никто не знал, что будет дальше, но все ждали, что нового принесет следующий день, какую возможность откроет. Конечно, не всем удалось найти себя в новом мире, и для многих распад Союза означал идейный крах, трагедию, но перемены были неизбежны.

Той ночью на баррикадах кто-то крикнул, что надо зачем-то идти спасать Останкинскую телебашню, и мы все, как зомби, двинулись туда. Это потом, спустя годы, я понял, что пошли мы за агитатором. Наивную толпу из простых людей очень легко привести к нужному действию. Выйдут из группы два человека, и все сразу последуют за ними. Без оружия, без всего. Просто чтобы не выбиться из строя. Я тогда понял, как работает толпа. И как работают лидеры. Когда они возникают, даже непонятно откуда, и когда они уверены в своем праве, за ними начинают следовать — сначала один, потом второй, третий... А куда пойдут трое, последуют и все остальные.

Когда мы пришли к Останкино, было уже темно. И я помню, кто-то сказал: «Все, кому по нужде, — идите сейчас. Потом будет поздно».

То, что я увидел в ту ночь, было похоже на кино: военные действия, шум, крики, перестрелка. Трассирующие пули в черном небе напоминали салют. Они почему-то горели в воздухе. И их полет можно было видеть. Было страшно. Очень, очень страшно.

Потом к нам подошел мужчина в военной форме. «Вы что, с ума сошли, — говорит. — Сейчас наши приедут с оружием, уходите». И нас увели обратно.

Наутро я пошел к бабушке и дедушке, которые жили на Поварской улице, недалеко от Тверской. Дед запер меня в квартире и сказал, что ни на какие баррикады я больше не пойду. И что отцу моему он «вставит».

Я все-таки выскользнул из дома и побежал обратно. Это было 14 октября — финал неудавшегося путча, все уже переместились к Белому дому, я забрался на крышу высотного дома на Кутузовском проспекте и смотрел, как с Дорогомиловского моста танки стреляют по Белому дому.

Будто фильм смотришь.

Представляешь?

Танки. Стреляют. По Белому дому... А мне 14 лет, и я сижу на крыше. Потом я пошел в школу. Чувствовал себя героем, стал всем хвастаться, а когда об этом узнала завуч, меня чуть не отчислили. Женщина советской закалки, она возмутилась: «Мне бы на твоём месте, Сагирян, было бы стыдно!»

Но я правда гордился тем, что побывал там. Я чувствовал, что стал частью истории. Приложил к этому свою руку. Еще почему-то радовался, что больше не надо будет носить школьную форму. Это было романтическое время — вот эти 90-е, голодные, сложные, страшные... Но с ощущением того, что все в наших силах и что все можно изменить.

Я узнал и почувствовал это благодаря отцу. Тогда я даже не понимал, как много значит эта возможность принимать такие важные решения самому. Особенно в 14 лет.

Недавно я послал папе открытку и написал, что люблю его и благодарю. За все, что он делал для меня. Папа не переделывал меня под себя, хотя я был, очевидно, «неудобным» ребенком. Он позволил мне не бояться быть собой. Не убил личность, которая начала зарождаться с раннего возраста. У нас с отцом очень разные характеры. Мне нравится быть на виду, я люблю

внимание. А отец — сдержанный, непубличный человек. Сложно воспитывать ребенка, который отличается от тебя. И в воспитании, и в жизни нам всегда легче с людьми, похожими на нас.

Поэтому хочу повторить: папа, я тебе благодарен.

Я понимаю, как мне повезло.

•••

Ответственность за себя, свой выбор, свои поступки и последствия... Это не просто слова. Все зависит только от тебя. Больше ни от кого. Если считаешь, что кто-то тебе что-то должен, то это не так. Не нужно ничего ни от кого ждать. И чем быстрее это поймешь, тем лучше. Когда все зависит только от тебя, ты контролируешь происходящее, потому что сам можешь, если захочешь, добиться и сделать все что угодно, а не ждать помощи со стороны. И не обижаться на мир, если эта помощь не приходит.

•••

Важно научиться самостоятельно изучать этот мир и принимать собственные решения. Вообще главный совет, который хочется дать молодым людям, — как можно раньше уходите из-под родительской опеки. Обезопасить ребенка — функция, заложенная природой в родителях, особенно матерях. А мужья с женами обычно не спорят. Поэтому родители часто не одобряют непонятный для них риск, оберегают детей и не дают им права пробовать и совершать ошибки. И эта защита из лучших побуждений в прямом смысле лишает возможности самостоятельно изучать мир и взрослеть.

До тех пор, пока все решения в той или иной степени обсуждаются с родителями и одобряются ими, ты не научишься принимать их сам и, что не менее важно, не научишься брать ответственность за жизнь. Будешь жить, исходя из их опыта,

ТВОЯ ЖИЗНЬ
И ВСЕ, ЧТО В НЕЙ
ПРОИСХОДИТ, –
РЕЗУЛЬТАТЫ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
ТВОЕГО
СОБСТВЕННОГО
ВЫБОРА И РЕШЕНИЙ.

мировоззрения, страхов и ограничений, а не своих. А ведь навык самостоятельности — это такой же навык, как вождение машины или плавание. Как только ты начинаешь принимать самостоятельные решения и брать ответственность, ты

тренируешь этот навык, развиваешь умение. С каждым днем, с каждым годом ты чувствуешь себя все увереннее в собственном выборе. Твоя жизнь и все, что в ней происходит, — результаты исключительно твоего собственного выбора и решений.

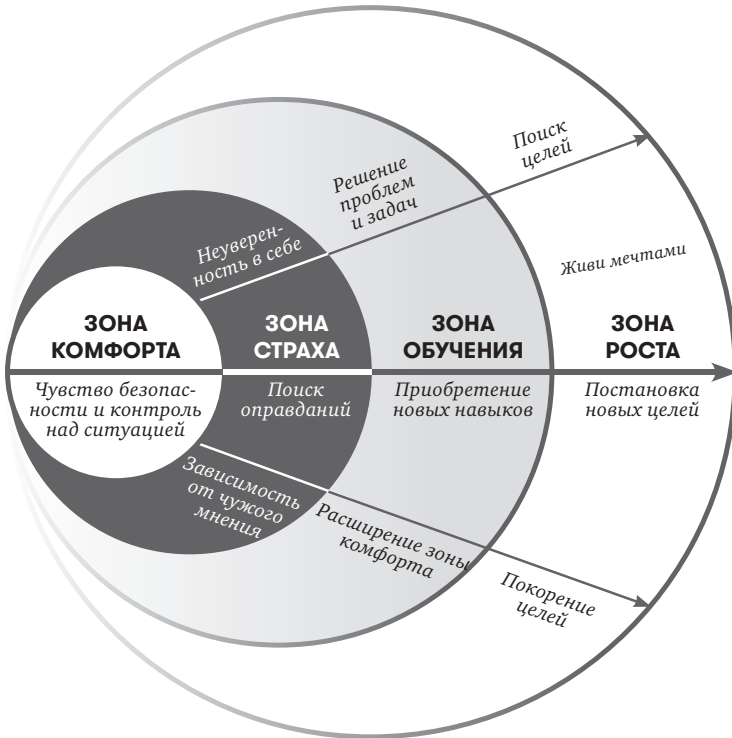

РИС. 2. Области личностного роста

Да, мне повезло: опыт первых самостоятельных шагов и принятие ответственности за себя пришли ко мне довольно рано. Но сколько бы тебе ни было лет, встать на этот путь никогда не поздно. Никогда не поздно изменить то, что не удовлетворяет тебя в твоей жизни. Толчком может стать что угодно, но только осознанное решение не бояться собственных поступков и действовать способно послужить стартом.

Однако если к 20 или 30 годам ты по-прежнему будешь зависеть от мнения или решений окружающих, не отчаивайся. Никогда не поздно начать жить своей жизнью и принимать собственные решения. Это как в спорте: если ты задашься целью, то в любом возрасте сможешь достичь результата. Как и многие из тех, кто читает эту книгу, я никогда не любил бегать. А в 38 лет решил преодолеть себя и пробежать марафон. Потому что принял решение и начал делать все для того, чтобы обрести желаемую физическую форму — и доказать себе, что несмотря ни на что я смогу. В итоге пробежал не один, а два. Если есть желание, вера в свои силы и настойчивость, то все возможно.

СОВЕТЫ И ВЫВОДЫ

- Если в 20 или даже в 30 лет ты по-прежнему зависишь от мнения или решений окружающих, не отчаивайся. **Никогда не поздно начать жить своей жизнью и принимать собственные решения.** Важно не бояться и начать.
- Как научиться ответственности? Нужно принимать собственные решения, не бояться совершать ошибки и спрашивать всегда только с себя.
- Чтобы изменить свой путь, одного желания мало — нужно принять решение. Только в этом случае появится возможность.
- Твоя жизнь и все, что в ней происходит, — результаты исключительно твоего собственного выбора и решений.

ГЛАВА 2

ИЗ МОСКВЫ В АМЕРИКУ И ОБРАТНО. ИНВЕСТИЦИИ В ВОЗМОЖНОСТИ

СТАТЬ НИКЕМ: ОСВОЕНИЕ АМЕРИКИ

Москва 90-х — это не только ожидание нового мира и удивительное чувство единения. Это еще и пустые полки, нехватка денег, низкие зарплаты и пенсии, бандитизм, наркотики... А еще начались утечка мозгов и эмиграция.

После распада Союза и начала перехода к рыночной экономике в Академии наук моему отцу платили очень мало. Прокормить семью было практически невозможно. Но у отца оставался другой капитал — связи. И он решил его использовать и улететь в Америку. Попробовать себя в новой стране с более понятными законами... У отца началась другая жизнь, да и у нас тоже. Мне сказали, что мы едем на год и что, скорее всего, вернемся.

Спустя годы я понял, что это было не так. Улетали навсегда. Детям нельзя лгать. Даже если взрослым кажется, что они действуют во благо, ответная реакция может быть не той, на которую они рассчитывали. Дети чувствуют, когда взрослые с ними нечестны. Я тоже тогда это почувствовал. И воспринял новость

о переезде без особого энтузиазма. Но в 15 лет права выбора у меня не было. Я присвоил себе это право в 16.

Первый год в стране Майкла Джордана, который был моим кумиром, показался мне адом. Дети в подростковом возрасте везде не очень добры, а правильней сказать, злы. Я часто выяснял отношения и дрался... Сейчас я понимаю, что наивно было ждать чего-то другого. Приезжает человек, который и по-английски толком не говорит, как считали мои новые одноклассники, однако ведет себя уверенно и даже претендует на место в школьной баскетбольной команде.

Я никак не мог вписаться в американскую подростковую жизнь. Я помнил, как всего год назад смотрел с крыши на наш Белый дом, а вокруг свистели пули. Я был совершенно взрослым. Мои же американские сверстники если и видели что-то похожее, то только по телевизору. Они мне казались маленькими и несамостоятельными, но их было много, а я один. И они меня не хотели принимать. В школе смеялись надо мной, передразнивая акцент. Несколько раз мне достаточно ясно дали понять, что здесь мне не рады и я могу отправляться обратно. Даже учителя позволяли себе нелестные высказывания в адрес страны, откуда я приехал. Было очень обидно. Со временем нападки прекратились, но в американской школе я все равно чувствовал себя не в своей тарелке. Мне очень хотелось вернуться назад.

Баскетбол тоже не радовал. С одной стороны, я хорошо играл и меня взяли в школьную команду. Но желающих попасть в нее было больше, чем мест в составе. Баскетбол — командная игра, а мне казалось, что я один против всех. Так на самом деле и получалось. Тренер не мог не взять меня, ведь я хорошо играл. Но команда меня не хотела принимать.

В ШКОЛЕ СМЕЯЛИСЬ
НАДО МНОЙ,
ПЕРЕДРАЗНИВАЯ
АКЦЕНТ. НЕСКОЛЬКО
РАЗ МНЕ ДОСТАТОЧНО
ЯСНО ДАЛИ ПОНЯТЬ,
ЧТО ЗДЕСЬ МНЕ
НЕ РАДЫ И Я МОГУ
ОТПРАВЛЯТЬСЯ
ОБРАТНО. ДАЖЕ
УЧИТЕЛЯ ПОЗВОЛЯЛИ
СЕБЕ НЕЛЕСТНЫЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ
В АДРЕС СТРАНЫ,
ОТКУДА Я ПРИЕХАЛ.

И я снова и снова вспоминал Москву. Там меня знали. У меня были кроссовки Nike. Вся баскетбольная Москва знала, что Сагирян носит зеленые «найки» (я их носил два года с 13–14 лет, а потом довольно выгодно продал за 25 рублей и купил себе много конфет и кока-колы). Когда я ездил на метро тренироваться в ЦСКА, то пару раз слышал за спиной: «Он классно играет». В Америке, кажется, никто не хотел видеть, как я играю. Даже тренер.

Да и сама система казалась мне какой-то несерьезной. Моя спортшкола представляла собой армию, где действовало простое правило: главное — это результат. Все, точка. Так вот, в Америке есть школа и есть все остальное. Спорт — это остальное. Зимой там дети играют в баскетбол, осенью — в американский футбол, весной находят еще какое-то занятие. В Москве я мог заниматься спортом два раза в день и не ходить в школу. Для моих американских сверстников школа была на первом месте, а баскетбольный сезон у них начинался в ноябре и заканчивался в марте. Сейчас я понимаю, что система в США правильнее. Она позволяет ребенку разносторонне развиваться. Дети во всех школах играют в разные игры, соревнуются между собой. Потом, все 330 000 университетов имеют свои спортивные команды и тоже соревнуются между собой. В итоге лучшие игроки попадают в профессиональные команды. В России же хорошо играют единицы, а все остальные не играют вовсе. У них все играют неплохо, а профессионалами становятся лучшие. Но в 15 лет ты не думаешь о том, хорошо или плохо устроена система. И даже не рефлексируешь по поводу того, почему ты в нее не вписываешься.

В детском спорте есть правило: когда кто-то играет лучше тебя, ты интересуешься его возрастом. Соперник старше? Отлично, еще есть время на то, чтобы дорасти. Младше — повод напрячься. В Америке ровесники играли по большей части хуже, чем я. Лучше играли старшие, и я тянулся за ними.

Я смотрел на ребят, в основном афроамериканцев, природой одаренных талантом к баскетболу и физическими задатками, которых у меня, к сожалению, не было. Зато я понимал, что могу многое компенсировать своим трудом, упорством и настойчивостью в тренировках. Чтобы прыгать выше, нужно больше приседать; чтобы лучше попадать в кольцо и водить мяч, нужно больше

тренироваться... Я верил, что мой результат зависит только от меня и потраченного на тренировки времени. Поэтому, когда в школе заканчивались уроки, я шел в спортзал и часами самостоятельно тренировался, качался и... через какое-то время сам начал радоваться результатам.

...

Сейчас я знаю, что сравнивать себя с другими неправильно. У каждого человека свой уникальный жизненный путь и свое собственное представление об успехе. Важно вовремя увидеть эту дорогу и уверенно пойти по ней вперед к тому, что сделает счастливым именно тебя, прожить свою жизнь, не оглядываясь на то, сколько зарабатывает твой сосед. Если подумать, успешные люди так и поступают: даже если кто-то и достиг большего, им некогда завидовать.

...

Но если уж выбирать ориентир, то стоит искать его в своей «весовой» категории, потратить время и разобраться с критерием для сравнения. У нас у всех есть свои сильные и слабые стороны. Как говорил Эйнштейн, «Все мы гении. Но если вы будете судить рыбу по ее способности взбираться на дерево, она проживет всю жизнь, считая себя дурой».

СИГНАЛЫ СЕРДЦА: ГУДБАЙ, АМЕРИКА

1995 год. Лето. Мне 16 лет. Родители привезли нас с сестрой на каникулы в Москву. Я сразу же отправился на летние сборы Советской спортшколы, увидел всех друзей... А после сборов поселился на даче у друга в подмосковной Валентиновке. Там же и влюбился. И стал размышлять на опасную тему о том, как хорошо было бы не возвращаться обратно в Америку. Мне нужно

было немного: друзья, «нормальный» баскетбол, любовь, свобода... В Москве я вел ту жизнь, которой мечтает жить каждый парень в 16 лет. Здесь мне не требовалось заново все и всем доказывать. Но обратные билеты были уже куплены, и родители не сомневались в том, что нужно снова лететь в Америку. Я же думал иначе.

Москва 1995 года — это постсоветская рухнувшая экономика, бандитизм, убийства, наркотики, полнейший беспредел. В тот год из московских дворов исчезли все дети: настолько за них боялись родители. Было голодно, серо и холодно. И в этой Москве вчерашний десятиклассник за день до отлета говорит своему отцу: «Я остаюсь. Езжайте без меня». Родители в шоке, но папа почему-то не спорит.

Правда напоминает: брекететы, которые я ношу, надо обязательно подкрутить, после чего показаться врачу — иначе все усилия насмарку. Перспектива остаться с кривыми зубами меня не вдохновляла. Я улетел с родителями, как мне казалось, на неделю. В 16 лет я оставался ребенком, который верит родительскому слову и обещанию.

В Америке папа сразу зачем-то повел меня на собеседование в другую школу, где была хорошая баскетбольная команда, — познакомиться с тренером. Я не понимал зачем. Я же возвращаюсь в Москву! «Ну, вдруг тебе понравится», — уклончиво отвечал отец. Неделя прошла. Уклончивые ответы больше меня не устраивали. Тогда отец посадил меня за стол и сказал: «Мы решили: ты должен остаться с нами».

Как?! От неожиданности я потерял самообладание. Немного успокоившись, сказал отцу: «Ты давал слово — ты должен его держать». Это был аргумент. Наверное, отец понимал, что, заставив меня остаться, он потеряет мое уважение, а наши отношения уже никогда не будут прежними.

— Хорошо... Пусть будет так, как ты хочешь!

Я никогда не забуду голос отца в тот момент. В нем я услышал и мужскую боль, и родительское страдание, и разочарование от того, что изменить ничего не получится. Отец знал мою настойчивость и мой характер. Он понимал, что если сейчас будет действовать силой и настоят на своем, то ничего хорошего из этого не выйдет. Это ломает не только меня, но и наши

отношения. Я тогда не видел для себя жизни в Америке. Мысленно я был уже в Москве.

На следующий день в аэропорту мы с мамой плакали. Я понимал, чувствовал, что изменяю свою жизнь, что пересекаю некий рубеж, который разделит все на до и после. В 16 лет я принимаю первое судьбоносное решение, которое повлияет на отношения с родителями и оставит след на всю

жизнь. Я уйду из родительского дома. Навсегда. Папа попрощался и отошел в сторону — не хотел, чтобы я видел его слезы.

Иногда я пытаюсь представить, чего ему это стоило, и все равно не могу. Сегодня я волнуюсь каждый раз, когда моя старшая 14-летняя дочь уходит из дома в книжный за углом. Я же был ненамного старше и улетаю от родителей в неизвестность российских 90-х в одиночестве. Тогда еще не было глобального информационного мира, соцсетей, интернета, смс. Звонок с Америкой нужно было заказывать диспетчеру заранее. Конечно, родители были не готовы так рано оставить меня без своей опеки и заботы. Но и остановить меня было невозможно.

В самолете я плакал. Не потому, что не знал, куда и зачем лечу, где буду учиться и буду ли. Я был уверен, что во всем смогу разобраться. Но мне было жалко моих родителей. Ведь переезд в Америку отец отчасти затеял для того, чтобы у меня и сестры появилась возможность лучшей жизни, чтобы мы могли получить хорошее образование и не сталкиваться с суровой жизнью в постсоветской России.

Но решение было принято, и назад дороги не было. Сейчас я могу сказать, что в жизни нет плохих или хороших решений. Есть только решения и их последствия. Когда эмоции стихли, я стал думать о том, что и как будет, когда я вернусь в Москву. У меня не было плана, но меня согревало чувство, что я бегу

В 16 ЛЕТ Я ПРИНИМАЮ
ПЕРВОЕ СУДЬБОНОСНОЕ
РЕШЕНИЕ, КОТОРОЕ
ПОВЛИЯЕТ
НА ОТНОШЕНИЯ
С РОДИТЕЛЯМИ
И ОСТАВИТ СЛЕД НА ВСЮ
ЖИЗНЬ. Я УХОЖУ
ИЗ РОДИТЕЛЬСКОГО
ДОМА. НАВСЕГДА.
ПАПА ПОПРОЩАЛСЯ
И ОТОШЕЛ В СТОРОНУ —
НЕ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ
Я ВИДЕЛ ЕГО СЛЕЗЫ.